

УДК 389

СОБИРАТЕЛЬ КАК ИНТЕРПРЕТАТОР ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА (НАБЛЮДЕНИЯ НАД АРХИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ ЭКСПЕДИЦИИ Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫХ «ПО СЛЕДАМ РЫБНИКОВА И ГИЛЬФЕРДИНГА» 1926–1928 ГОДОВ)*

В. А. Бахтина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

В статье рассматриваются актуальные вопросы фольклорной текстологии, возникающие при подготовке к изданию собраний русского устного народного творчества, в первую очередь эпоса. В. А. Бахтина изложила свои наблюдения, возникшие в процессе трудоемкой работы с архивными материалами экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». В статье анализируются отличающиеся записи разных собирателей одного и того же совместно прослушанного текста, методика записи в полевых условиях, подразумевающая помимо обычных способов ручной записи группой собирателей и так называемую «двуслойную запись», а также вопросы фиксации контаминированных текстов.

Ключевые слова: текстология фольклора, фиксация текста, интерпретация фольклорного текста, собирательская методика, коллективная запись, аутентичный текст.

**V. A. Bakhtina. THE COLLECTOR AS AN INTERPRETER OF THE
FOLKLORE TEXT (OBSERVATIONS ON THE ARCHIVAL MATERIALS FROM
THE EXPEDITION BY B. M. AND YU. M. SOKOLOVS “IN THE FOOTSTEPS
OF RYBNIKOV AND HILFERDING” 1926–1928)****

Topical problems of folklore text studies involved in the preparation of collected volumes of Russian oral folklore, first of all the epic, for publication are considered. V. Bakhtina shared the observations she made during the effort-consuming work with the archival materials from the expedition “In the footsteps of Rybnikov and Hilferding”. The discrepant records by different collectors of the same text they listened to together, the technique of recording in the field, which implies that so-called “double layer” recording is used in addition to the common manual recording by a team of collectors, as well as the problems of recording contaminated texts are considered.

Key words: folklore textualism, text recording, folklore text interpretation, collecting technique, team recording, authentic text.

---

* Статья предоставлена для публикации дочерью В. А. Бахтиной Н. В. Голиковой.

** The paper was submitted for publication by V. A. Bakhtina's daughter N. V. Golikova.

В последние годы в связи с реализацией таких крупных издательских проектов, как «Свод русского фольклора» [Былины, 2001–2003], полное собрание записей А. В. Маркова [Беломорские старины, 2002], переиздание былин А. Д. Григорьева [Архангельские былины, 2002–2003], продолжение серии «Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока», выход крупных коллекций, ставших итогом собирательской деятельности последних десятилетий [Смоленский, 2003], актуализировались теоретические проблемы фольклорной текстологии, которая, в силу специфики самого объекта, всегда носила не только практический, но и критический характер, поскольку в идеале ориентирована на наиболее точное или аутентичное воспроизведение фольклорного текста (словесного, музыкального) в печатном издании.

Не будучи самостоятельной научной дисциплиной, она выработала свой понятийный аппарат, пришла к некоторым общеметодологическим установкам. К их числу относится, в частности, признание значимости и ценности каждого отдельного варианта вне зависимости от частотности фиксаций одного и того же текста, в том числе от одного сказителя, и вне зависимости от качества с точки зрения полноты и художественного совершенства; приоритет полевой записи перед беловым (перебеленным) текстом; требование максимально точной передачи диалектной и устаревшей лексики, фонетической специфики, индивидуальных особенностей исполнителя; его и слушателей размышлений и реплик в процессе исполнения и прочих функционально-бытовых данных.

Вместе с тем текстология фольклора относится к дисциплинам сугубо конкретного характера и требует от исследователя, не нарушая вышеуказанных общих принципов, выработать самостоятельные решения. Текстолог фольклора, а также собиратель и расшифровщик не может не быть одновременно и интерпретатором, поскольку, готовя фольклорный текст к публикации или прочитывая его с записи, он выступает и его познавателем, его исследователем и его толкователем. Личность текстолога и собирателя входит в непосредственный процесс интерпретации, причем не меньше, чем интерпретируемые данные. Всякий раз при расшифровке возникает диалог с текстом, а он, как любой акт понимания, всегда носит личный характер и в качестве такового имеет и свою цену, и право на существование. Но всем актам человеческого понимания или интерпретации свойственна известная доля относительности, они не могут и не должны быть абсолютно идентичными.

Свою роль играет множество факторов как общекультурного, так и личностного характера: уровень предварительного знания обследуемой традиции и ее диалекта, культурный багаж собирателя, его умение и степень сосредоточенности при письменной фиксации устного текста и т. д. Приведу один пример. В 1928 г. В. И. Чичеровым, С. П. Бородиным и Ю. А. Самариним (запись последнего не обнаружена) была зафиксирована песня литературного происхождения «Было дело под Полтавой» от О. И. Дмитриева (Рагнозеро, 1928 г.). Работа собирателей распределялась следующим образом: С. П. Бородин писал стихи до цезуры [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 10, тетр. № 3], В. И. Чичеров – окончания стихов после цезуры [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 34, тетр. № 4, л. 229]. Но последний стих оба собирателя записали полностью. У С. П. Бородина он звучит так: «В седло царское впились», а у Чичерова: «В шляпу царскую впились». Поскольку С. П. Бородин с особым вниманием должен был записывать начала стихов, с большой долей уверенности можно говорить, что именно его запись передавала текст исполнителя, а В. И. Чичеров чисто механически (автоматически) повторил оригинал песни, принадлежащей поэту второй половины XIX в. И. Е. Молчанову, у которого пуля попадает именно в шляпу.

Споры между несколькими собирателями в процессе восприятия и последующей расшифровки одновременно прослушанного ими текста неизбежны и закономерны. Отличающиеся записи одного и того же совместно прослушанного текста в тетрадах разных собирателей, с чем мне пришлось постоянно сталкиваться при подготовке неизданных материалов экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга», – это данность, с которой не только необходимо считаться, но и воспринимать как явление нормальное. Каждый вариант записи, как и вариант текста исполнителя, обязательно должен учитываться текстологами.

На вопрос, можно ли считать вариантами различающиеся между собой записи разных собирателей одного и того же фольклорного произведения одновременно от одного исполнителя, теоретическая текстология уже дала отрицательный ответ. С. Н. Азбелев пишет по этому поводу: «Устный текст и его запись имеют различия, но запись – не есть новый вариант. Не является новым вариантом, естественно, и опубликованный текст, отличающийся от записи, послужившей его оригиналом» [Азбелев, 1966. С. 272]. По-видимому, в том и другом случае правомерно употребление термина «вариант записи».

Значимость в фольклорной текстологии фигуры собирателя неоднократно заявлена исследователями. Так, Б. Н. Путиловым была отмечена прямая зависимость точности записи от применяемой в полевых исследованиях собирательской методики: «Запись былины не может быть уподоблена авторской рукописи, ибо она приходит к нам в интерпретации собирателя. Степень и границы точности, с которой записана былина, колеблются довольно сильно, методические правила и приемы работы собирателей различны» [Путилов, 1966. С. 222]. С. Н. Азбелев, размышляя о понятии фольклорного текста, замечал, что любое исправление, внесенное в текст перед публикацией, т. е. любая редакторская правка, исправляющая даже заведомо очевидные ошибки, уже рождает другой текст, другим текстом является и любая письменная фиксация оригинала [Азбелев, 1966. С. 267]. О фигуре собирателя как посредника «между исполнителем и читателем» писала Т. Г. Иванова, справедливо указывая, что представления собирателя «о точности фиксации», его «способы фиксирования», его «понимание диалекта, строфики песенных форм» сказываются на тексте, который представлен читателю [Иванова, 1991. С. 6].

Таким образом, мы должны с необходимостью прийти к выводу, что все интерпретации (в нашем случае варианты записи) суть относительны. Ни при каких обстоятельствах добиться абсолютно точной и окончательной интерпретации невозможно, и следует смириться с мыслью, что мы всегда имели, имеем и будем иметь дело с относительно аутентичными текстами и что наши сведения об этих текстах и наше понимание их не могут быть полными и объективно точными.

При методике коллективной записи, применяемой братьями Соколовыми, один и тот же текст прослушивался одновременно несколькими собирателями, но фиксироваться ими мог по-разному: только начальными стихами, серединой стихов, окончанием стихов, иногда, если успевали, полными стихами. Несовпадения стихов, переходы границ «своей территории», создававшие путаницу при сведении текстов, были при такой записи обычным явлением. При этом число сведенных в полевых условиях записей различалось: текст мог быть сведен единожды, в тетради только одного участника записи, но иногда он сводился в тетрадях двух и даже четырех собирателей. Встречались факты одновременной полной записи всего текста всеми присутствующими членами экспедиции, если необходимость разделения труда отпадала вследствие неторопливой манеры

исполнения, повторения каждого стиха дважды, передышек певца и т. д. Естественно, в таких случаях невозможно определить, кому адресовать те или иные разночтения – местной традиции, семейной традиции, лично исполнителю или собирателю.

Обратимся к конкретным наблюдениям. Сразу оговорю, что оставляю в стороне многочисленные несовпадения в записях типа «цоканья», «чоканья»; букв «е», «ё», «о»; окончаний «ого»/«ово», «ова»; «его»/«яго» в прилагательных и существительных, наличия/отсутствия частиц и междометий, разницы в географических названиях и написаниях имен, полных и кратких прилагательных; наличия/отсутствия ударения в словах и другие фонетические, грамматические, синтаксические различия не потому, что ими можно пренебречь или они не важны при фиксации устного текста, а потому, что подобные расхождения присутствуют (в большей или меньшей степени) абсолютно во всех записях. Остановлюсь на более проблемных случаях, требующих корректировок с позиций современных подходов.

В статье использованы материалы полевых записей экспедиции, сборник «Онежские былины», а также никогда ранее исследователями не привлекавшиеся текстологические заметки Ю. М. Соколова, сделанные им в процессе подготовки к изданию собранных в экспедиции эпических текстов. Экспедиционный архив можно разделить на две части. Первая часть, составляющая основной экспедиционный багаж, – былины, частично исторические песни и баллады – начала готовиться к изданию сразу по завершении экспедиции в 1928 г., но вышла спустя годы в 1948 г. [Онежские былины, 1948]. Вторая, до недавнего времени пассивная часть, состоящая из эпических (духовные стихи, исторические песни, баллады), обрядовых, драматических, лирических жанров, никогда не публиковалась и не привлекалась для исследовательских работ. В настоящее время первый том («Эпическая поэзия») этих материалов находится в производстве. Второй том – условно названный «Обрядовый фольклор, драматические и лирические жанры» – в процессе подготовки [Неизданные..., 2007, 2011. – Прим. ред.].

В последние годы к экспедиционному архиву Соколовых обращались фольклористы Пушкинского Дома В. И. Еремина и В. И. Жекулина, осуществляющие критический пересмотр текстов былин для Свода русского фольклора и изложившие некоторые свои текстологические наблюдения в специальной статье [Еремина, Жекулина, 1991. С. 54–68]. Проанализировав сведенные тексты из полевых тетрадей участников экс-

педиции, они выделили несколько типов, распределив их исходя из степени идентичности и точности фиксаций в тетрадах отдельных собирателей. При этом ими отмечены как уникальные редкие случаи абсолютного тождества в записях разных собирателей (при подготовке не опубликованных ранее текстов мне такие случаи не встретились), так и настолько небрежно произведенные сводки текстов, что потребовалось прибегнуть к процедуре осуществления новой сводки. Это, естественно, современными текстологами воспринималось как дело весьма щепетильное и при тяжелых физических и умственных затратах могло породить только весьма приблизительную продукцию (т. е. текст, далекий от аутентичного). Замечу, что мне к подобной процедуре пришлось прибегать значительно чаще, поскольку многие духовные стихи, не имея перспектив попасть в книгу в те годы, остались в полевых тетрадах не сведенными.

Полностью соглашаясь с выводами ленинградских коллег и понимая, что нам не остается никакого другого выхода, как довериться сведенным текстам, которые были сделаны самими участниками экспедиции и чаще всего непосредственно в полевых условиях, замечу все же, что, по признанию Ю. М. Соколова, эти сводные тексты рождались в сложных спорах, в результате компромиссных решений и, стало быть, могли не во всем соответствовать исполненному тексту. Если пройти заново путь от первоначальных полевых фиксаций в тетрадах собирателей, учитывая разделение труда как необходимое условие коллективной работы, до сведенного текста, итога этих коллективных усилий, то обнаружатся нестыковки стихов, расхождения, иногда значительные. Выбор каждый раз какого-то одного варианта записи и игнорирование другого или других не обеспечивает, увы, полной уверенности в точности конечного продукта.

Приведу несколько примеров. В духовном стихе «Трудник» от А. Ф. Чуркина (Водлозеро, 1928 г.) в записи Б. М. Соколова [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 26, тетр. № 2, л. 241] Богородица, явившаяся труднику в пустыне, осветила его «свещей», в записи же С. П. Бородинина [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 2, л. 112–113 нов. пагин] – «свитцем» (т. е. треножником с лучиной). В балладе «Илья Муромец (Князь Роман)» от Т. Г. Каличевой (Пудога, 1928 г.) стих 49 в записи В. И. Чичерова таков: «Ты сорвьись-сорвьись, золотая цепь» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 34, тетр. № 3, л. 55 об.–57 об.], а в тетради С. П. Бородинина: «Разорвьись-сорвьись, золотая цепь» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 9, л. 374–376 стар. пагин, л. 91–93 нов. пагин]. Стихи 38–39 баллады «Илья Муромец (Ром/ан/

жену губил)» от А. А. Соловьевой (Пудога, 1928 г.) в полевой тетради Б. М. Соколова записаны следующим образом: «Да в новой горнице да бело моитсе, // В новой горнице да одеваетсе» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 26, тетр. № 1, л. 17–18 об. нов. пагин]; в тетради В. И. Чичерова: «Да в новой горнице да бело моетсе, // Бело моетсе да одеваетсе» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 33, тетр. № 1, л. 29–33]. Стих 62 у Б. М. Соколова: «Пиво циженные да не поёныи»; у В. И. Чичерова и в перебеленном тексте [ГЛМ ФА, ф. 241 (доп.), текст № 93] выглядит несколько иначе: «Как пиво не циженыи да гости не поёныи» и т. д. Ответить на вопрос, кто из записывателей точнее передал текст, невозможно.

Нередки примеры сращения строк, изменения глагольных форм, перестановки стихов и слов и т. д. Например, записи духовного стиха «Алексей человек Божий» от А. Б. Сурикова (Кизи, 1926 г.) С. П. Бородиным [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 1, л. 143–155 стар. пагин] и Ю. М. Соколовым [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 27, тетр. № 1, л. 189–198] содержат множество разнохарактерных разночтений, каждое из которых имеет приблизительно одинаковые шансы претендовать на близость к оригиналу:

<p>Запись Ю. М. Соколова «Ой, не было у него отплодья Не было на землю отродья». «Отвенцались» «Не воскушает...» «Не испивает...» «Снимает от правой руки злачен перстень»</p>	<p>Запись С. П. Бородинина «Ай, не было на землю отплодия» «Обвенцались» «Не скушает...» «Не спивает...» «Снимае с руки злачен перстень» От правой руки тут снимае»</p>
--	---

Поэтому, на наш взгляд, информация о местонахождении первоначальных неполных записей в тетрадах собирателей (до осуществления ими процедуры сводки) должна присутствовать в комментариях к каждому тексту.

Приводимые далее примеры, продолжая наблюдения питерских исследователей, дополняют их, в том числе данными о проводимой Ю. М. Соколовым редакции готовящихся к изданию материалов.

В недавней дискуссии, возникшей после выхода в свет первых томов Свода русских былин, в частности, была вновь затронута методика экспедиционных записей А. М. Астаховой, которая, в целях получения наиболее точной фиксации текста, практиковала иногда «двуслойную запись»: сначала былина записывалась ею «с пересказа», а затем записанный текст правился в процессе исполнения «с голоса». Последний текст публиковал-

ся. О недопустимости такой методики с точки зрения современной текстологии, о необходимости расслаивать подобные записи и давать два варианта – один пересказанный, а другой пропетый не раз – заявлено в фольклористических работах [Иванова, 1982; Азбелев, 1991].

Экспедиция Б. М. и Ю. М. Соколовых, работавшая, как известно, в тех же местах и в те же годы, что и экспедиция Ленинградского государственного института истории искусств, при общей продекларированной установке на запись «с голоса» тем не менее допускала отдельные случаи двойной фиксации. В 1926 г. таким способом была записана былина «Добрыня Никитич» от Н. С. Богдановой (Зиновьевой) (г. Петрозаводск, 1926 г.). Насколько велики отличия записи «с голоса» от рассказанного предварительно текста, ясно из нескольких взятых наугад примеров [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 1, л. 1–30].

Проговоренный текст	Пропетый текст
«Увидала своего да чада милого, // Чада милого, дитя любимого»	«Увидала своего да чада милого, // Увидала тут Добрыню свет Никитича».
«Что же ты сегодня с пиру не весёл пришел, // Или чарой тебя приносили»	«Что же ты с перу не весёл пришел, // не радошен, // Или места там тебе было не по чину, // Или чарой там тебя приносили».
«Тут отправился Добрыня свет Никитич // Далешенько на заставу...»	«Тут отправился Добрынюшка на заставу // Он далече во чисто полё и т. д.

В «Онежских былинах» был опубликован спетый вариант, но при этом, во-первых, он не совсем точно следовал полевой записи, ориентируясь, как это было принято в текстологии тех лет, на перебеленный текст; во-вторых, в книге отсутствуют сведения о наличии проговоренного варианта и, следовательно, не указано его местонахождение в материалах экспедиции.

Пример иного текстологически некорректного решения связан с проблемой контаминированных текстов, которые в подавляющем большинстве случаев при подготовке «Онежских былин» к изданию естественно публиковались как единое целое. Но были примеры и иного рода. Скажем, как два отдельных сюжета, причем разделенных и территориально, опубликованы былины «Добрыня и Алеша» [Онежские былины, 1948. № 12] и «Михайло Потык» [Онежские былины, 1948. № 20] от

Г. А. Якушова (Пудоба, 1926 г.), которые на самом деле были исполнены сказителем как единый текст. В книге сделано постраничное примечание: «Былину о Михайле Потыке Г. А. Якушов пел как продолжение былины о Добрыне и Алеше» [Онежские былины, 1948. С. 134]. Ю. М. Соколов в заметках, комментирующих беловые тексты Г. А. Якушова, высказался еще более определенно: «...пел, как прямое продолжение...» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»].

Игнорирование нетрадиционных контаминаций и разъединение их на отдельные сюжеты предполагалось и в случае с балладой «Князь Роман жену губил» от М. А. Лоскутовой (Кенозеро, 1927 г.), которая начала исполнение с лирической песни «У Дунюшки было у голубушки». В имеющемся среди материалов экспедиции беловом варианте [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 31, л. 8–9] текст очищен от этой лирической экспозиции и в таком виде готовился к публикации, но не вошел в книгу. В подготовленном нами томе «Эпическая поэзия», состоящем из неопубликованных текстов, баллада восстановлена согласно полевым записям в контаминированном виде.

Тенденция какого бы то ни было вмешательства в сказительский текст, которая и в настоящее время проскальзывает в некоторых работах, может быть чревата появлением новых ошибок вследствие или недостаточного знания местного говора, или неучета семантической многозначности отдельных слов, в том числе узколокальных их разновидностей, а также индивидуальной речевой манеры исполнителя, который нередко далек от последовательного соблюдения диалектных и иных форм. Поэтому мне кажется более справедливой точка зрения тех текстологов, которые оставляют исполненный текст предельно нетронутым, исправляя лишь заведомые случайные описки, но оговаривая и их.

Ю. М. Соколов в своих текстологических заметках обратил внимание на слово «тулиться» (у него ударение поставлено на первый слог, тогда как Даль его ставит на втором слоге) в былине «Добрыня и Василий Казимирович», исполненной П. И. Рябининым (Кижь, 1926 г.). По мнению Ю. М. Соколова, сказитель, не понимая истинного значения слова, употребил несуразную его форму – «туличка» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 96, № 51]. В опубликованном в «Онежских былинах» тексте В. И. Чичеров все-таки оставил это, по выражению Ю. М. Соколова, «бессмысленное существительное» [Онежские былины, 1948. № 97, стихи 29–31]. На самом деле П. И. Рябину было известно значение глагола «тулиться», он его использовал в названном тексте в форме «призатулялись»

(стих 28), а слово «туличка» («тулика», «тулича») является, согласно В. Далю, наречием, несет иной смысл: «вот, здесь, тут, тута, тутотка» и вполне уместно употреблено П. И. Рябиным именно в данном значении:

Ай, все тут на пиру да призамолкнули,
Призамолкнули, призатулялись,
А ведь старший туличка за среднего,
А и средний туличка за младшего,
А от младшего туличка ответа нет...

Другой пример. Для сказителя М. С. Мякишева (Пудога, 1926 г.) было характерно использование слова «гривна» вместо «гридня», и в сборнике «Онежские былины» эта его особенность сохранена. Дочь же М. С. Мякишева М. М. Фадеева (Пудога, 1926 г.), воспринявшая былины от отца, употребила в тексте «Добрыни и Алеши» [Онежские былины, 1948. № 49] правильное словосочетание: «гридня столовая». Ю. М. Соколов по этому поводу заметил: «М/ожет/ б/ыть/, Бородины не разобрали Фадееву, а м/ожет/ б/ыть/, она выправила сама, м/ожет/ б/ыть/, отец лишь в старости забыл настоящее слово – гридня» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 96, № 103]. Любопытное имяобразование главного героя произошло в балладе М. М. Фадеевой «Князь жёну губил» – «Дунец» (сочетание названия реки Дунай, которая фигурирует во вступлении в качестве места действия, и социальной принадлежности героя – купец и донской казак). О принадлежности имени исполнительнице свидетельствует не только его двойное употребление в тексте баллады, но и специальное выделение его в полевой записи Ю. М. Соколова подчеркиванием [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 916–917 стар. пагин, л. 245–246 нов. пагин]. В белой машинописи оно было заменено на привычное наименование героя – «купец» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 87, л. 13]. В подобных случаях, когда невозможно точно ответить, как и почему сказитель употребил необычную форму или искаженное слово, думается, не следует пытаться его править и редактировать.

Позиция, при которой собиратель становится полноправным участником процесса передачи-восприятия и новой передачи информации, не предполагает сознательного вмешательства в зафиксированный собирателем в полевых условиях текст. Современная текстология отвергает, как неправомерные, попытки восстановления фрагмента текста (или отдельного слова), если по каким-то причинам он (оно) не были записаны самим собирателем (не успел записать, не понял, не расслышал, отвлекся и т. д.). При подготовке к печати

сборника «Онежские былины» подобные реконструкции иногда допускались. Например, стих 85 былины «Рахта Рагнозерский» [Онежские былины, 1948. № 32] от Г. А. Якушова в сведенном тексте полевой записи имел следующий вид: «Как дали то ведь... как сволок-то он». Из текста было неясно – что или кого дали Рахте и что или кого он сволок. В текстологических заметках Ю. М. Соколов намечает путь исправления данного стиха: «...в записи какой-то пропуск, нужно восстановить путем сличения с другими нашими вариантами...» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 96, № 125]. То есть имелось в виду сличение с другими произведенными в экспедиции записями былины о Рахте. В результате стих приобрел «недостающее» слово: «Как дали-то ведь борцов – как сволок-то он». Но кто может с уверенностью утверждать, что Г. А. Якушов употребил именно слово «борцов», даже учитывая, что в его творческом лексиконе оно присутствует. В подобных случаях уместнее зафиксировать пропуск текста.

Можно привести примеры более радикального решения. В былине «Добрыня и Алеша» от М. К. Пашовой (Киж, 1926 г.) фрагмент полевой записи С. П. Бородин (должен был писать стихи до цезуры, но стремился записать полностью) выглядит следующим образом:

Без меня она дай во пир нейдет,
Ай, во пир нейдет...
/пропуск/ хлеба
Меня молодца она слушает [РГАЛИ,
ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 2, л. 26 об.–32].

В книжном варианте срединные неполноценные стихи, которые, видимо, не удалось восстановить при сводке текстов, были просто опущены. Получилось:

Без меня она да й во пир не йдет,
Меня, молодца, да ёна слушает
[Онежские былины, 1948. № 161].

В 1920–1940-е годы, когда готовился к печати сборник «Онежских былин», редакторская правка текстов считалась естественной и допустимой в известных пределах. С позиций современной текстологической методологии, отвергающей вмешательство публикаторов в текст, эта былая практика выглядит излишне произвольной. Редактуре, к счастью, были подвергнуты немногие фрагменты текстов, записанных в экспедиции и вошедших в сборник «Онежских былин». Основная направленность редакторской правки объясняется стремлением сделать текст более понятным, логически и художественно стройным. Надо отметить, что примеры подобного рода находились в явном противоречии с общими наблюдениями Б. М. и Ю. М. Соколовых за тен-

денциями, связанными с разрушением былиной поэтики, и не могли способствовать объективному пониманию процессов эволюции эпической поэзии в условиях нового времени.

Редакторское «прихорашивание» текста, что необходимо отметить, не выходило за рамки приемов, характерных для народной поэзии и известных братьям Соколовым и их коллегам. Вмешательство в текст могло быть направлено на восстановление утраченных постоянных эпитетов, элементов сравнения или разрушенных приемов подхвата, «ступенчатого сужения образов» и пр.

Сравнение полевой записи 1928 года былины «Чурила и Катерина» от Г. А. Якушова [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 8, л. 44–48; ед. хр. 21, л. 23–25; ед. хр. 13, тетр. № 1, л. 29 об.–31 об.; ед. хр. 10, л. 43 об.–46 об.] с книжным текстом [Онежские былины, 1948. № 22] свидетельствует о редакторском обогащении публикации постоянными эпитетами: носки сапог стали «сафьяновыми», женская грудь – «белою», «чолки без чоботов» стали «тонкими чулочками без чоботов». Замечательно звучащее местное слово «хухарка» заменено на «кухарка». В полевой записи фрагмент духовного стиха «Егорий и Олисафия» от М. К. Пашовой выглядит следующим образом:

Начинал Егорий ю копьем колоть,
А копьем колоть да он конем топтать,
А копьем колоть да приговаривать [РГАЛИ,
ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 2, л. 24–26 об.].

В перебеленном тексте восстановлен прием подхвата, и третий стих приобрел такую форму: «А конём топтать да приговаривать» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 91, л. 29–34], т. е. стих приведен к идеальной форме, хотя реально прием подхвата, по всей вероятности, не был последовательно соблюден при исполнении.

В Государственном Литературном музее среди материалов экспедиции имеется машинописный (беловой) текст нескольких былин Г. А. Якушова («Илья Муромец и Елена королевична», «Илья Муромец и сын», «Михайло Потык») с карандашной правкой (местами весьма значительной) Ю. М. Соколова [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»], которая почти полностью была учтена при публикации в «Онежских былинах» [Онежские былины, 1948. №№ 7, 4, 20]. Оставляя в стороне незначительные буквенные исправления, обращусь к отдельным выборочным более серьезным примерам.

В былине «Илья Муромец и Елена королевична» стихи 156–157 в полевой записи Ю. М. Соколова выглядят следующим образом: «...да скоро просто // ...будешь-то» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. па-

гин, л. 263–271 нов. пагин]. В беловую машинопись Ю. М. Соколовым дописаны отсутствующие фрагменты стихов: «А уеду я да скоро просто, // Ты опять ведь будешь делать-то» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. С помощью этой несколько корявой фразы была восстановлена утраченная логическая стройность текста. Но мы остаемся в неведении, был ли здесь пропуск, допущенный сказителем, или им были исполнены совсем другие слова, не записанные собирателями. В той же былине дважды встретившееся слово «сторонку» («А ту ведь ту сторонку да зафальшивил-то»; «А тут сторонку да зафальшивил-то», стихи 171 и 199 полевой записи) [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. пагин, л. 263–271 нов. пагин], Ю. М. Соколов исправляет на слова: «подпись» и «надпись» соответственно [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. Стих 182, в беловой машинописи звучащий совершенно нелепо: «А точили ли тут тучами» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»], в полевой записи Ю. М. Соколова: «А не – точили тут затучили» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. пагин, л. 263–271 нов. пагин], Ю. М. Соколов правит на: «А не тучи ли тут затучили» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. В книгу же вошел четвертый вариант: «А не тучи ли тут за тучами» [Онежские былины, 1948. № 7]. Стих 188 в беловой машинописи: «А своей-то змею да ведь шляпою», кстати, ритмически вполне гармоничный, Ю. М. Соколов исправляет на: «А своей шляпой змею давай пластать» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. Между тем, в его полевой записи стих имеет следующий вид: «А сломил-то змея шляпой ведь» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, тетр. № 4, л. 934–942 стар. пагин, л. 263–271 нов. пагин].

По смыслу вполне уместный стих 27 в былине «Илья Муромец и сын»: «А на тую на славную на битву ведь» выправлен: «А на тот ли на славный на Киев-град» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»].

Значительным по количеству и смыслу исправлениям был подвергнут текст якушовской былины «Михайла Потык». Заметно, что текст былины сводился с большим трудом: в полевой записи против многих стихов проставлены вопросы, свидетельствующие то ли о путанице исполнителя, то ли о несовершенстве записи собирателями, повлекшей множественные исправления. Скажем, стих 125 в полевой записи: «Говорит – князю да ведь Вл-ру» [РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 29, л. 968–1005] в беловой машинописи и книжном тексте выглядит иначе: «Посылал его князь да ведь Владимир-от» [ГЛМ ФА, ф. 241, оп. 1, ед. хр. 86 «е»]. В полевой записи стих 314

представлен одним словом: «...поганыих», но в беловой машинописи и соответственно в книге он отреставрирован (основания реставрации неясны): «А потом сложил змеёнышев поганыих».

Сравнение стихов 315–322 в полевой записи и книжном тексте (копирующем исправления, произведенные Ю. М. Соколовым в беловой машинописи) свидетельствует о характере редакторской правки данного отрывка:

Полевая запись	Книжный текст
Как он сбрызнул-то да раз,	Как он сбрызнул-то да раз, в первой, –
Так Настасьюшка да пошевेलиласе.	Так они да пошевелилисе;
А другой-то раз – ту живы стали.	А другой-от раз – так живы стали.
Так Настасьюшку да Вахрамиевну,	Так Настасьюшку да Вахрамиевну.
А ведь раз-то она да обрызнула,	А ведь раз-то она да обрызнулась,
А другой-то раз она обрызнула,	А в другой раз да обрызнулась,
А ведь третий раз	А ведь в третий раз да обрызнулась,
А скочила она тут как на ноги.	А скочила она тут как на ноженьки.

В беловую машинопись Ю. М. Соколов дописывает стих 335, вошедший и в книгу: «Худо ведь жить да нельзя тут быть», который дополняет предыдущий 334 стих. Между тем, в полевой записи наличествует только 334 стих: «А со мертвым худо ведь жить».

В стихах 251 и 259 Г. А. Якушов употребил необычную форму: «А напал тою да бить-клевать». Стих 251 в результате редакторской правки приобрел следующий вид: «А напал да ею нахлыстывать». В книжной публикации он вновь подвергся изменению: «А напал да ею исхлыстывать», в полевой записи: «А напал да ею как бить да». При этом его полный аналог (стих 259) не был правлен. Можно предположить, что дважды повторенная сказителем форма, какой бы необычной она ни казалась, вряд ли может считаться случайной и квалифицироваться как ошибка исполнителя, требующая исправления.

Встречаются случаи исправления ошибок (или оговорок) исполнителя, хотя последние могли быть и свидетельствами неустойчивости текста в памяти сказителя. Так, стих 382 в полевой записи: «За царя за Вахрамея Вахрамеева» в беловом варианте и в книге выправлен, как должно быть: «За царя за Ивана за Окульевича».

Редакторская правка могла быть направлена и на восстановление привычных, устоявшихся в народной эпике словосочетаний: стих 384 из полевой записи: «Ай, же ты, Ильюша да Муромец» в беловом варианте и в книге преобразован в: «Ай, же ты, старый казак, да Илья Му-

ромец». Имелись случаи восстановления имени героя/героини: вместо «А над княгиню взять в замужество» (стих 353 полевой записи) появилось: «А над Настасьюю взять в замужество» (тот же стих в беловой машинописи и в книге).

Но была правка и иного рода – направленная на приведение текстов в соответствие с полевой записью, на исправление неточностей и ошибок беловиков. Так, в былине Г. А. Якушова «Илья Муромец и сын» стих 27 беловой машинописи: «А на тую на славную на битву ведь» Ю. М. Соколов правит на: «А на тот ли на славный на Киев-град», основываясь на полевой записи, в которой, правда, стих звучит несколько иначе: «А на тот ведь на славный да на Киев град». В беловую машинопись былины «Михайла Потык» Ю. М. Соколовым вписаны в соответствии с полевыми данными пропущенные стихи 22, 44, 85, 101, 103 и др.

Естественен вопрос: на чем основаны указанные и другие добавления и исправления? При оригинальности каждого конкретного случая, с которыми необходимо разбираться текстологам, все они тем не менее имеют общие истоки, покоящиеся или на полевых записях отдельных собирателей, или на сведенных текстах, или на общеэпических стереотипах, которые могли быть заимствованы из сборников Гильфердинга или Рыбникова, или из общеэпического фонда. Отсюда следует, что необходима экспертиза каждого текста, направленная на выявление характера его редактирования. Но и она не в состоянии решить проблему до конца. Ю. М. Соколов требовал от участников экспедиции производить сведение записей непосредственно на месте, оставляя возможность для выяснения и уточнения непонятных, или темных, или плохо записанных фрагментов, отдельных слов. Правда, на практике эта установка не всегда была осуществима. Тем не менее можно предполагать, что частичная правка могла вноситься в тексты в результате этих уточнений.

До сих пор речь шла о текстовых разночтениях. Но есть еще область, не менее существенная (а для понимания народного мировоззрения и аксиологии особенно значимая) – притекстовые или послетекстовые реплики исполнителей, не всегда учитываемые при подготовке корпуса текстов и восстанавливаемые только при учете полевых фиксаций всех присутствующих при исполнении участников экспедиции. В те годы, когда готовился к печати сборник «Онежских былин» (конец 1920-х – 1940-е гг.), возможны были изъятия и цензурного характера. Приведу лишь один пример. Прозаический текст «Добрыня и Олеша» или «Илья Муромец и Баба-Яга», как назвал старину сказитель П. С. Лоскутов

(Кенозеро, 1927 г.) [Онежские былины, 1948. № 239], был завершён его репликой, зафиксированной только в одной рабочей тетради: «Оно и верно, а в нынешние годы ещё хуже». Естественно, в книгу она не вошла.

Полагаю необходимым при публикации материалов, полученных в результате применения метода коллективной записи, приведение исчерпывающих сведений, связанных с историей рождения каждого текста: в каком виде хранится в архиве (запись до или после цезуры, неполная запись отдельных стихов, полная запись всего текста, сводный текст, беловой текст, машинопись), в чьих полевых тетрадях находится (с полным описанием архивных сведений), кем и когда произведена запись.

Конечно, в идеале мог бы быть применён принцип постраничного приведения всех разночтений текста, подобно тому, как поступают с отдельными редакциями древники. Собственно, и в фольклорной текстологии такие способы подачи текстов апробированы, например, в томе алтайских героических сказаний, подготовленном З. С. Казагачевой (серия «Фольклор народов Сибири и Дальнего Востока») [Алтайские..., 1997]. Однако подобная методика, продуктивная при публикации разновременных записей одного сюжета от одного сказителя, в случаях множества разнотипных записей одного и того же текста одновременно разными собирателями не только усложняет процедуры, но ведёт к значительному увеличению объёма и возрастанию трудностей прочтения и использования текста. В современной эдиционной практике подобный тип издания отсутствует. По-видимому, эта задача должна быть адресована будущему поколению текстологов-фольклористов.

Очевидно, что текстологам, занятым подготовкой «былинной части» экспедиционного архива Б. М. и Ю. М. Соколовых для Свода русского фольклора, придётся не только привести тексты в соответствие с полевыми записями, но и указать хотя бы на источники разночтений в полевых тетрадях разных собирателей, если не представится возможность опубликовать их в полноценном виде.

«Историко-фольклористическая текстология» (термин, предложенный Т. Г. Ивановой) в последние годы обогатилась немалым опытом конкретных наблюдений, обобщающих опыт собирателей XIX–XX веков. По-видимому, наступает время подумать о создании итогового труда по истории текстологии в русской, восточнославянской (шире общеславянской, европейской) фольклористике.

Источники и литература

Азбелев С. Н. О переиздании былин в записях А. М. Астаховой // Русский фольклор. Т. XXVI. Л., 1991.

Азбелев С. Н. Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л.: Наука, 1966.

Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Сказители А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин / Подгот. и пер. текстов, статьи, прим., коммент., словари, указ. З. С. Казагачевой; Вступ. ст. С. М. Каташева; Муз. ст. и нот. зап. Ю. И. Шейкина, В. С. Никифоровой; Отв. ред. В. М. Гацак. Новосибирск, 1997.

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым: в 3-х т. / Изд. подгот. А. А. Горелов, Ю. А. Новиков; под ред. А. А. Горелова. Т. 1. СПб.: «Тропа Троянова», 2002; Т. 2, 3. СПб.: «Тропа Троянова», 2003.

Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко; отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: «ДМ. Буланин», 2002. 1080 с.

Былины: в 25-ти т. Т. 1, 2. Былины Печоры / Подгот. текстов: В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова; отв. ред. А. А. Горелов. М.; СПб., Наука, Издательский центр «Классика», 2001; Т. 3. Былины Мезени / Подгот. текстов и коммент.: А. А. Горелов, Т. Г. Иванова, А. Н. Мартынова, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов, Ф. М. Селиванов; отв. ред. А. А. Горелов. М.; СПб., 2003.

Государственный литературный музей. (В тексте – ГЛМ ФА).

Еремина В. И., Жекулина В. И. Практическая текстология былин // Русский фольклор. Т. XXVI. Л., 1991. С. 54–68.

Иванова Т. Г. Классические собрания былин в свете текстологии // Русская литература. 1982. № 1.

Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор. Т. XXVI. Л., 1991.

Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2-х т. / Вступ. ст., подгот. текстов, науч. коммент., справочного аппарата В. А. Бахтиной. [Отв. ред. В. М. Гацак]. М.: Наука, 2007. Т. 1: Эпическая поэзия. 2007. 629 с. Т. 2: Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 768 с., ил.

Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, прим. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948.

Путилов Б. Н. Искусство былинного певца (из текстологических наблюдений над былинами) // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л.: Наука, 1966.

Российский архив литературы и искусства. (В тексте – РГАЛИ).

Смоленский музыкально-этнографический сборник. Т. 1. Календарные обряды и песни / Отв. ред. О. А. Пашина. М.: Индрик, 2003; Т. 2. Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи / Отв. ред. О. А. Пашина, М. А. Енговатова. М.: Индрик, 2003 и др.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бахтина Валентина Александровна

главный научный сотрудник, д. фил. н.
Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

Bakhtina, Valentina

A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences